

Книга воспоминаний советского дипломата, комсомольского и партийного деятеля Владимира Даниловича Попова под общим названием "...И вся ещё не прожитая жизнь" — это огромный труд, охватывающий большой период времени от юных лет автора, выросшего в сибирской глубинке, до событий 90-х годов, когда наша страна переживала эпоху развала и одновременно становления новой державы. Наиболее острые страницы воспоминаний автора обращены ко временам его работы в ГДР, знакомству с немецкими товарищами Эрихом Хонеккером и Эгоном Кренцем, ставшими жертвами политического предательства со стороны руководства СССР. Не менее интересна история с попыткой осуществления экономической реформы в бывшем Советском Союзе. Автор принимал самое непосредственное участие в работе Государственной комиссии по экономической реформе, которая, увы, так и не состоялась, что и привело, во многом, к краху СССР. Главы, посвящённые этим событиям, мы и предлагаем вниманию наших читателей.

1. Предательство

... Судьба и на самом деле благоволила ко мне, и как только я всерьёз задумался о завершении работы в ЦК ВЛКСМ, раздался звонок Виктора Максимовича Мишина, сменившего на посту первого секретаря ЦК Б. Н. Пастухова, перешедшего на работу председателем Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

— Владимир Данилович, у меня есть к тебе интересное предложение. Я знаю о твоём желании уйти из аппарата, и меня информировали, что тобой интересуются в КГБ. Но есть другой вариант — перейти на работу в МИД и поехать 2-м секретарём посольства в ГДР. Дело в том, что мы имеем квоту в некоторых посольствах, но, как всегда, все кадры, которые рекомендуются для работы за рубежом, в конечном итоге утверждаются Отделом ЦК. Если согласен, я направляю им твоё личное дело, но кандидатуру твою на всякий случай уже назвал.

Не буду скрывать, но я слегка опешил от неожиданного предложения. Дело в том, что зачастую по этой квоте проходили москвичи с известными фамилиями. Эти мысли промелькнули у меня в голове, и я тут же про себя пошутил, что всё правильно, у меня одна из самых известных русских фамилий...

– Молод один: чем я буду там заниматься?

– Володёжными проблемами, в том числе и контактами с ЦК ССНМ (Союз свободной немецкой молодёжи. – **Ред.**).

– Всё замечательно, но мой немецкий оставляет желать лучшего...

– Это не проблема, – уверенно сказал Мишин. – Выучишь на месте. Так что, договорились?..

– Договорились, спасибо за рекомендацию.

Так спираль моей судьбы продолжала своё движение. Вечером поставил в известность жену и сына о возможной смене места жительства. Семья особога восторга не проявила, что я и предполагал. Три года назад было болезненное расставание с Новосибирском, к Москве они только стали привыкать, и снова переезд, на этот раз за рубеж, в полную неизвестность. Сын расплакался: он девять месяцев ходил на тренировки в ЦСКА в секцию игры в ручной мяч, его стал хвалить тренер, и тут я разрушил его честолюбивые планы стать известным спортсменом.

– Папа, ты губишь во мне спортсмена, – всхлипывая, выговаривал мне мой семиклассник.

Жена обречённо молчала, понимая, что возражать бесполезно, решение уже принято “наверху”. Оформление документов для выезда заняло несколько месяцев. В который раз я поражаюсь неистребимой мощи и последовательности нашей бюрократии. КГБ неоднократно проверяло меня все годы работы в комсомольских органах, я пять раз выезжал за рубеж и только что вернулся из Америки, куда ездил в составе представительной молодёжной делегации. Тем не менее, моя биография вновь рассматривалась под микроскопом. Вновь звонили друзья из Черепаново, бывшие соседи из Новосибирска и докладывали, что их в который раз “пытали”, но они всё вынесли и дали положительную характеристику, и это “дорого мне будет стоить”...

Я, смеясь, с ними соглашался, но просил подождать до моего приезда в родные края. Проверка закончилась, и вышел приказ по МИДу, куда в кадры я сдал свою трудовую книжку. Взамен мне выдали дипломатический паспорт, билеты на поезд Москва–Берлин на 10 ноября и пожелали счастливого пути. За два дня до отъезда из Новосибирска прилетели три близких моему сердцу товарища: Юрий Перекрёстов, Владимир Миронов и Борис Грехов, чтобы морально поддержать меня в “трудный” час. Вместе с московскими друзьями они блестяще выполнили поставленную перед собой цель. Поезд уходил вечером, вся группа поддержки лихо загрузила наши немудрёные пожитки в купе, дружно выпили на посошок стремленную, потом закурганную, и вдруг они развернули длинный красный плакат, на котором белыми буквами было написано: **“Он прошёл славный путь – от Елбани до Германии”**. Друзья смеялись от души, видя выражение моего лица, и с серьёзным видом объясняли любознательным пассажирам и провожающим, что Елбань – это столица Сибири, могуществом которой уже столько веков прирастает Россия. По их реакции было понятно, что они ничего не поняли, что ничуть не огорчало моих озорных друзей, которые уже весело пели комсомольские песни. Но особенно им удалась известная казачка со словами: “По Берлинской мостовой // Кони шли на водопой...”. Проводы удались на славу!

Проехали с остановкой Брест, где нас провожали руководители комсомола Белоруссии. Были хорошие слова, благодарность за совместную работу, напутствия и на прощание – товарищеские объятия. Польша промелькнула незаметно, и вот мы уже на главном вокзале Берлина.

Что ожидало нас здесь, мы не знали, кроме того, что сотрудники хозяйственного отдела посольства будут встречать нас на вокзале. Таков порядок. Но вышло иначе: нас приветствовали человек двадцать. Я с лёгким волнением смотрел на незнакомые улыбающиеся лица, дружеские приветствия, огромный букет цветов, подаренный жене, и на душе стало легко – мы приехали к своим. Нас в мгновение ока выгрузили, посадили на машины, и минут через десять все вместе мы были уже в квартире, в которой предстояло прожить четыре года. Встреча была организована в лучших традициях, мои будущие коллеги накрыли стол, и у нас на всякий случай “с собой было”. Не злоупотребляли, потому что рано утром предстояла встреча с послом. Без двадцати восемь за мной зашёл один из встречавших и сопроводил до посольства, представил охране и провёл в приёмную. Помощник посла зашёл в кабинет и тотчас пригласил войти.

Вячеслав Иванович Кочемасов вышел из-за стола, и, пока я шёл по огромному кабинету, он встретил меня на полути. Поздоровались, приветливо пожав друг другу руки. Посол предложил мне присесть, а сам неспешно обошёл рабочий стол и опустился в кресло. Он был уже немолод, это чувствовалось по той медлительности, с которой он двигался. Но глаза его резко контрастировали с уставшим лицом: живой изучающий взгляд, не терявший своей приветливости. Мне была известна его биография, типичная для государственного деятеля военного поколения. С 1942 года после окончания вуза и до 1948 года был на комсомольской работе в городе Горьком и с должности первого секретаря обкома комсомола перешёл на работу в Москву, где возглавил Молодёжный Антифашистский комитет. С 1949 года по 1956-й он уже был секретарём ЦК. После ухода из ЦК его направили сначала советником, затем утвердили советником-посланником посольства СССР в ГДР. После работы в аппарате МИДа в должности замначальника отдела перешёл в Госкомитет СССР по культурным связям с зарубежными странами в качестве 1-го заместителя. До назначения в ГДР двадцать один год был заместителем Председателя Правительства РСФСР, курировал вопросы образования, культуры и спорта и, по отзывам сведущих людей, пользовался большим уважением у руководителей этих отраслей и деятелей культуры. Как мне рассказывали, отличался предельной внимательностью к людям, хорошо разбирался в существующих проблемах и, главное, настойчиво решал их. Многие отмечали его работоспособность.

Верительную грамоту он вручил 12 июня 1983 года. Его связывала дружба с Эрихом Хонеккером с конца 40-х годов, когда тот создавал и возглавлял Союз свободной немецкой молодёжи, а Кочемасов был секретарём ЦК ВЛКСМ. Так что решение о назначении члена ЦК КПСС чрезвычайным и полномочным послом в ГДР было продуманным шагом нового руководителя СССР Юрия Андропова. У них были очень доверительные отношения, что, конечно же, имело большое значение для правильного понимания внешней и внутренней политики немецкого государства в те годы, когда после прихода к власти Ю. Андропова начались сначала не очень заметные тектонические сдвиги в СССР, и наши союзники не понимали, чего от нас можно ожидать в условиях возрастающей политической нестабильности в стране...

Но возникшие проблемы в отношениях после избрания М. Горбачёва Генеральным секретарём ЦК партии были ещё впереди, а я тогда скромно сидел в кабинете у своего нового руководителя в ожидании указаний и рекомендаций, от содержания которых зависела моя профессиональная деятельность. Он начал разговор издали, вспомнил сибирский период моей биографии, которую внимательно изучил, и сказал, что хорошо знает выходцев из Новосибирска, работающих в Москве, со многими дружен ещё с комсомольских лет.

– Вы, вероятно, знаете, что я был секретарём ЦК.

– Разумеется, – ответил я. – Мне хорошо известна ваша биография, и Виктор Максимович* просил передавать вам привет и уверял, что проблем у меня во взаимоотношениях не будет, потому что вы “наш человек”.

Вячеслав Иванович весело рассмеялся, было заметно, что ему понравилась эта оценка.

– Что, так и сказал?

– Да.

– Это правильно, мне дорога моя молодость, а она была связана с комсомолом. По сути, я никогда в своей душе не расставался с ним, и где бы ни работал, всегда поддерживал тесные связи с ЦК комсомола и его первыми секретарями. А из Виктора Максимовича получится хороший лидер, это правильное кадровое решение. Лишь бы его не передержали в должности...

Я понимал, что и кого он имел в виду, но тактично промолчал, а он не стал дальше развивать эту щекотливую тему.

– А теперь поговорим о ваших служебных обязанностях. Вы будете курировать отношения министерств высшего и среднего специального образования СССР и ГДР и связи ВЛКСМ с Союзом свободной немецкой молодёжи. Между нашими странами, как вы знаете, существует обмен студентами и аспирантами, и сегодня в вузах ГДР обучается несколько сотен человек. Мы должны иметь исчерпывающую информацию об их учёбе и повседневной жизни.

* В. М. Мишин – первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Поверьте, проблем с ними хватает, вплоть до отправки в распоряжение вузов, направивших их на учёбу... Вы будете в ближайшие дни представлены руководству министерства, и я прошу как можно быстрее вместе с немецкими товарищами посетить все города, где обучается наша молодёжь, повстречаться с ними, определиться, как будете контактировать. В каждом вузе создана первичная комсомольская организация, юноши и девушки не должны отрываться от ВЛКСМ, и потому им нужна помощь в организации работы. Необходимо познакомиться с ректорами вузов и их заместителями, отвечающими за работу с иностранными студентами, и также договориться о взаимодействии. Необходимо, чтобы они постоянно ощущали интерес посольства и знали, к кому обращаться в случае необходимости. Старайтесь регулярно бывать на политических и культурных мероприятиях, которые проходят в вузах с участием нашей молодёжи.

Вторая ваша задача связана с деятельностью ССНМ. Эгон Кренц, как вы знаете, недавно избран секретарём ЦК СЕПГ, он курирует все силовые структуры и многие другие направления государственной деятельности, но и "присматривает" за Эберхардом Аурихом, своим преемником. С Кренцем на очередном приёме я вас познакомлю.

— Я с ним знаком, Вячеслав Иванович, мы неоднократно встречались во время его приездов в Москву.

— Это очень хорошо, но я его попрошу, чтобы он настоятельно посоветовал министерству образования и секретарям ЦК ССНМ доверительно взаимодействовать с вами. Рекомендации, конечно, важны, но старайтесь устанавливать личные контакты. В дипломатической работе это просто необходимо, по себе знаю. Проявляйте инициативу, информируйте меня по мере необходимости, двери кабинета для вас открыты. А сейчас мы пойдём на совещание с дипломатами, которое я провожу по понедельникам, и я вас представлю личному составу.

Я тогда ещё не знал, насколько было важно для моего вхождения в коллектив, чтобы меня представлял именно посл. Оказывается, он это делал в исключительных случаях. Обычно новых сотрудников представляли советники-посланники. Мы вместе зашли в зал, все стоя поприветствовали посла — в этом чувствовалось уважение и не было никакого подхалимажа. Он кратко озвучил мой послужной список, и, вероятно, хорошо зная психологию сотрудников, особенно кадровых дипломатов, многозначительно акцентировал внимание на том, что я рекомендован ЦК комсомола и Отделом ЦК партии, и сказал, за какие вопросы мне предстоит отвечать. В заключение настоятельно попросил всех присутствующих помочь новому сотруднику как можно быстрее войти в жизнь коллектива. Так началась моя работа в посольстве.

С содержанием своих должностных обязанностей я разобрался довольно быстро, набросал план действий и после знакомства с руководством министерства вместе с немецкими коллегами отправился в длительную поездку по городам и вузам ГДР. Это была во всех отношениях полезная командировка, которая мне позволила познакомиться со страной, руководством учебных заведений и оговорить с ними все организационные вопросы. Принимали меня крайне любезно, откровенно информировали по самому широкому кругу вопросов, зачастую выходящих за пределы моего профессионального интереса, что сначала вызывало удивление. Но сотрудники министерства, сопровождавшие меня, с которыми я с удовольствием работал все четыре года, мне намекнули, что всё в порядке, они информированы о поручении Эгона Кренца. Нужно, конечно, знать немецкую исполнительность, а указание "крон-принца", как его звали в стране, было приказом, который не обсуждается. Авторитет у бывшего лидера молодёжи, который уже давно являлся членом Политбюро, был непререкаемый. Все уже тогда рассматривали его как наиболее реального преемника Хонеккера.

Конечно, основное время было уделено знакомству с нашими студентами и аспирантами. Они были со мной откровенны, поведали о своей жизни в новых для них условиях. В основном, у всех был полный порядок с учёбой и дисциплиной, но чувствовалась их оторванность не только от своей страны, но и друг от друга. Одни обучались в Дрездене, другие — в Лейпциге, третьи — в Йене, Ростоке, Гере, Берлине и Карл-Маркс-Штадте. Многие впервые видели сотрудника посольства, который так дотошно интересовался всеми вопросами их бытия, посещал общежития, в которых они жили, и что-то бесконечно

помечал в своём деловом журнале. Проблемы чисто житейские тоже были, и мы с немецкими коллегами старались решить их во время встреч с руководителями учебных заведений. Поездка затянулась на шестнадцать дней, но мы посетили все шесть городов, не считая Берлина, где учились наши студенты в университете им. Гумбольдта.

Пока ездил по городам и весям, меня многие потеряли, потому что никто так много времени не проводил в командировке. По итогам поездки я подготовил обстоятельную аналитическую записку и направил её послу, попросив о встрече. Через день он пригласил меня для беседы. Я ему подробно рассказал о проделанной работе, о состоявшихся встречах, о той информации, которой со мной поделились руководители вузов, и рассказал о самой серьёзной проблеме – оторванности студентов от своих соотечественников и достаточно формальных отношениях со студентами из других социалистических стран. В своей записке я сформулировал предложение о проведении в конце апреля ежегодного слёта студентов соцстран с обязательным торжественным заседанием, в котором будут принимать участие послы всех социалистических стран, министр образования ГДР, секретари ЦК ССНМ и кто-то из секретарей ЦК ВЛКСМ.

– Основными докладчиками будете вы и министр. От вашего имени попросим выступить послов соцстран, заранее получив их согласие. Заседание можно провести в конференц-зале Советского Дома науки и культуры. Он для того и был построен, тем более что его возглавляют бывшие комсомольские работники, которых я знаю много лет. Число участников мероприятия – более пяти тысяч человек. Затем актив численностью 350–400 человек выезжает в один из молодёжных лагерей ССНМ, где с участием работников посольств, отвечающих за работу со студентами, секретарей братских союзов молодёжи проводится двухдневный семинар по методике интернациональной работы, спортивные соревнования и смотр художественной самодеятельности. Это как раз то, что так любит молодёжь. И, на мой взгляд, важно, что именно посольство СССР проявит эту инициативу.

Вячеслав Иванович долго и внимательно смотрел на меня, а потом спросил:

– Владимир Данилович, идея мне нравится, но у меня три вопроса. *Первый*: кто оплатит все затраты на проведение мероприятия, в бюджете посольства нет такой статьи; *второй*: кто это огромное и сложное мероприятие будет организовывать; и *третий*: кто будет отвечать за возможный срыв слёта или непредвиденные политические издержки из-за антисоветских настроений некоторых студентов соцстран? Я понятно сформулировал вопросы, которые меня не могут не волновать?

– Вячеслав Иванович, нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики...

– Вы не отшучивайтесь, цитируя вождя, а чётко отвечайте на мои вопросы.

– Хорошо, отвечаю. Схема оплаты будет примерно следующая: питание своих студентов оплачивают посольства соцстран или союзы молодёжи; министерство высшего образования ГДР оплатит аренду автобусов, размещение в лагере обеспечит ЦК ССНМ. Он вместе с ЦК ВЛКСМ могут взять на себя значительную долю расходов. Я возглавлю штаб, куда войдут все мои коллеги из посольств. С Мигаш Юрием и Сираковым Иваном – вторыми секретарями посольств Чехословакии и Болгарии – мне уже удалось познакомиться и оговорить многие организационные вопросы. В штабе будут также представители министерства высшего образования и кто-то из ответственных сотрудников ЦК ССНМ, скорее всего, секретарь по международным связям Йоахим Виллердинг. С ним и Эберхардом Аурихом я договорюсь. В Москву уже позвонил, от меня ждут программу и ваше согласие. Поверьте, у меня достаточно опыта, чтобы подготовить и провести такое мероприятие. Что же касается ответственности, разумеется, всё ложится на мои плечи. Прошу поддержать, это будет серьёзная политическая акция. С этой категорией молодёжи ещё никто так не работал.

Посол задумался, медленно подвинул к себе мою записку, внимательно посмотрел на меня и решительно наложил резолюцию: “Очень информативный документ. С предложениями согласен. Прошу подготовить программу и представить на утверждение”. Вызвал помощника, велел снять копию, зарегистрировать её и отдать мне. Довольный принятым решением, я поблагодарил его и направился к выходу, и вдруг услышал:

— Интересно начинаете работать, но очень рискованно, не забывайте об этом!..

Не забыл. Слёт прошёл успешно, имел огромный политический резонанс не только в ГДР и других соцстранах, но и в ФРГ, где все ведущие газеты вышли с комментариями о проведённом по инициативе советского посольства молодёжном мероприятии, в котором впервые приняли участие все послы соцстран, руководители молодёжных союзов и государственные деятели страны. Огромное впечатление на многих произвёл митинг и возложение венков в Трептов-парке к монументу Солдату-Освободителю, в котором приняли участие более пяти тысяч юношей и девушек.

За годы работы в Берлине мне удалось провести четыре слёта, каждый раз усложняя программу, разумно сочетая их политическую составляющую с учёбой актива, культурно-массовыми конкурсами и спортивными соревнованиями, к которым советские и другие иностранные студенты готовились несколько месяцев, настраивая себя на победу. Сейчас, по прошествии тридцати лет, просматривая многочисленные фотографии того времени, поражаюсь, как мне это удавалось, откуда брал силы и волю, чтобы раскрутить огромный маховик организационных мер, без которых ничего бы не получилось, а провала мне никто бы не простил, и в этом посол был прав. Я вспоминаю, как секретари парткома, а я был членом бюро, и некоторые “осторожные” сотрудники посольства за неделю до проведения слётов старались обойти меня стороной, переходили на противоположную сторону Беренштрассе — улицы, на которой мы жили, — лишь бы лишний раз не поздороваться. Сегодня это смешно вспоминать, но они и впрямь опасались, что в случае провала, когда меня будут с позором высылать на Родину, их могут обвинить “бдительные” товарищи в дружбе со мной. Разные люди работали в посольстве, но таких было меньшинство, а некоторых, наиболее интересных дипломатов, с которыми я дружил, приглашал на слёты, где они с удовольствием выступали перед молодёжью и в качестве членов жюри принимали участие в различных конкурсах.

По степени физической и психологической нагрузки эти мероприятия напоминали мне военизированные сборы допризывной молодёжи, работавшей на предприятиях Дзержинского района. Мы их ежегодно вывозили на недельные сборы за пределы Новосибирска, где под руководством молодых офицеров из воинских частей они проходили курс молодого бойца. Представьте более тысячи молодых парней, вырванных из обычной жизни, живущих в воинских палатках, которых поднимали в шесть часов утра и целый день муштровали, как настоящих солдат! Но тогда мне помогал весь аппарат райкома, секретари заводских комсомольских организаций и офицеры, каждый из которых командовал взводом. Семь ночей я спал не более двух часов, постоянно проверяя посты, чтобы никто не сбежал в самоволку, ведь лагерь находился рядом с рекой. А желающих показать свою лихость было немало, но мы такие попытки умело пресекали. И каждый раз перед отъездом на сборы секретарь райкома партии по идеологии Г. Л. Лукьянова говорила мне:

— Владимир Данилович, помните: ответите партбилетом.

К угрозам я был привычен, так что напугать меня было сложно. Но как же эти предостережения и напоминание о партбилете утомительно повторялись! Поэтому многие и не спешили проявлять инициативу. Я состоял в партии с 20 лет, и в учётной карточке нет ни одного замечания, не говоря уже о выговорах — даже обидно при моём-то характере бояться брать на себя ответственность! Еле живого, с пониженным давлением меня привозили к посольству, я звонил послу и докладывал, что всё благополучно завершилось.

— Поздравляю, мне уже доложили (службы работали, ничего не скажешь! — Авт.). Жду итоговую записку, но сначала отдохните.

Записка, как всегда, была написана заранее, поэтому утром я вносил коррективы и отдавал в печать, и через час она была уже у него на столе. Следовал звонок, чтобы я зашёл. Ему нравилось, когда его устно информировали. Я делал это в красках, что не позволятельно в служебном документе, давал все необходимые характеристики высокопоставленным участникам — для посла это было важно, и мне было понятно его желание владеть полной информацией. Он не забывал ещё раз выразить мне благодарность и советовал, видя усталость на моём лице, чтобы не усердствовал в эти дни на службе. Вот такой у нас был руководитель!

Посольство являет собой всегда очень сложный организм, и это характерно для любой страны. Сосед пребывает в ранге диктатора, повелителя или, если хотите, азиатского деспота, можно называть, как вздумается, — не ошибётесь! Всё зависит от характера человека. За пределами государства он его персональное олицетворение, и этим определяется статус. Бывая на приёмах в посольствах разных стран, и не только социалистических, я везде наблюдал одно и то же. Наше не являлось исключением, и лишь личные качества В. И. Кочемасова позволили очеловечить атмосферу, царившую при его предшественнике П. А. Абрасимове, дважды в течение восемнадцати лет возглавлявшем посольство в ГДР, когда все ходили, опустив голову, и были разбиты по кланам в зависимости от ведомства, которое представляли. Я с ним не встречался, но, по мнению многих приличных людей, самодур был редкий и грубый, если не сказать больше, несмотря на то, что прошёл войну и за плечами была огромная школа партийной работы после войны. Мне доверительно полушёпотом рассказывали, что при нём внимательно отслеживали, чтобы отношения строились между дипломатами только одного ранга. Советникам надлежало дружить только с советниками, первым секретарям — с первыми секретарями и т. д. Спросите, почему говорили полушёпотом? Да потому, что опасались за свою карьеру, учитывая его влияние, а в любых заграничных учреждениях СССР хватало с избытком тех, для кого доносы были профессией, но хватало и добровольных “наушников”, которые зарабатывали себе репутацию “правоверных” советских граждан. Я ещё застал сотрудников, которые замечали только равных себе по рангу, но в течение года многие из них в связи с окончанием командировки отбыли в свои ведомства, а на смену им прибывали другие и попадали уже в иные условия службы, хотя каковость в отношениях всё равно оставалась. Многие вообще зависят от самих людей. Но мне удалось быстро выстроить ровные отношения почти со всеми дипломатами, в том числе и карьерными. Они быстро поняли, что за моей спиной не только хорошая школа, но и характер, и поэтому на всякий случай вели себя “правильно”. Особенно добрыми были отношения с нашими разведчиками, работавшими под “крышей” посольства, и их руководителем, с которым мы провели немало вечеров, откровенно обсуждая самые тревожные новости, поступавшие с Родины.

Посольство являло собой Советский Союз в миниатюре. Этакая большая советская деревня, в которой работали представители разных ведомств. Рядом с ним находились здание торгпредства с огромным штатом различных специалистов, представительство Аэрофлота и ещё добрых два десятка различных союзных ведомств. И все, в основном, обитали в одном квартале. Здесь же находилась и средняя школа при посольстве, за деятельностью которой мне было поручено присматривать, что, конечно же, иногда отражалось на моём сыне. Сергею доставалось часто ни за что, тем самым давали понять, что и на меня есть управа, если я буду слишком критиковать дирекцию, а люди там работали очень неоднозначные. Почти все педагоги-женщины были с неудавшейся личной жизнью, в одиночестве воспитывающие детей, которые тоже учились здесь. Собственно, таких и подбирали, потому что работы для мужей в советских организациях за границей не было, на всю школу был всего один мужчина, преподаватель физики. Все дорожили своим рабочим местом, чем пользовалась директриса, превратившаяся в эдакого диктатора в юбке. Она была одинока, детей своих не имела, и у неё было огромное желание как можно дольше задержаться в ГДР, чего она и добивалась всеми возможными способами, в том числе воздействуя через детей на высокопоставленных родителей. В этом отношении школа была проблемной, и приходилось “тушить” возникающие конфликты. Но добиться справедливости в такой атмосфере не всегда удавалось. К слову, мой сын достойно перенёс выпавшие на его долю испытания и школу закончил хорошо, что потом помогло ему уже после армии поступить на юридический факультет МГУ и успешно его окончить. Через несколько лет он меня порадовал: защитил диссертацию и получил степень кандидата экономических наук.

Работа в посольстве достаточно монотонна, и я старался как можно больше разнообразить её. Установил доверительные контакты с основными секретарями ЦК ССНМ, мы часто встречались и не только на мероприятиях, которые они с размахом проводили по всей стране, продолжая традиции своих предшественников. Выезжали вместе в Советский Союз на различные встречи,

организующие ЦК ВЛКСМ, где имели большую возможность для неформального общения, хотя не отказывали себе в этом и в ГДР. Взаимный обмен информацией о проблемах развития был весьма полезен.

С Эгоном Кренцем я встретился в посольстве на приёме, посвящённом Дню Победы, в 1984 году. Он приехал вместе с Эриком Хонеккером и другими членами Политбюро. Уже тогда чувствовалось его особое положение среди остальных руководителей страны, но это ничуть не изменило бывшего авторитетного молодёжного лидера. Он был приветлив со всеми: обнялся с Вячеславом Ивановичем, поздоровался с советниками-посланниками, высшим командным составом Западной группы советских войск в Германии. Когда закончились приветственные речи посла и руководителя ГДР и началось братание, Эгон, не изменяя себе, пошёл в “народ” и неожиданно увидел меня. Оставив всех, он устремился ко мне, мы обнялись, ввергнув о полубормочное состояние многих наших дипломатов, а затем вышли в просторный холл, где никто не мог помешать нашему разговору. У него была тысяча вопросов о Б. Н. Пастухове, В. М. Мишине и, разумеется, о том, как развиваются события в верхнем эшелоне власти, потому что они получают противоречивую информацию. Что я мог ему рассказать, кроме того, что мы сами пребываем в состоянии тяжелого раздумья...

— Эгон, большие и пожилые генеральные секретари не могут вызывать чувства исторического оптимизма. Учитывая доверительность отношений между Хонеккером и Кочемасовым, убеждён, что вы будете своевременно получать объективную информацию.

Он поинтересовался, как складываются отношения с секретарями ЦК ССНМ и министерством высшего образования. Я ответил, что всё находится в развитии, и недавно проведённый по моей инициативе слёт иностранных студентов дал позитивный импульс.

— О слёте меня информировали, это ты хорошо придумал, и идею о проведении их ежегодно я поддерживаю, и все задействованные наши организации получают мои распоряжения. Что-то я не вижу здесь Ауриха? Его что, не пригласили?

— Да нет же, взгляни, “три мушкетёра” стоят и не решаются к нам подойти.

Он, увидев своих воспитанников, радостно махнул им рукой, приглашая присоединиться. Я быстро поймал официанта, у которого “всё было”, мы взяли необходимое, и Кренц поднял тост за нашу общую Победу, братскую дружбу между ССНМ и ВЛКСМ и сказал, что он не сомневается в надёжности товарищеских отношений. Аурих, Фойгт и Виллердинг согласно закивали головой, и мы дружно опрокинули рюмки с хорошей водкой, закрепив наш союз. В это время к нам стремительно подлетел советник-посланник Валентин Коптельцев и, сверкнув на меня гневно глазами, предельно мягко обратился к Эгону:

— Товарищ Кренц, вас все потеряли, товарищи Хонеккер и Кочемасов хотят вас видеть.

Эгон заметил недовольство мной Коптельцевым и, приобняв его, сказал примирительно:

— Валентин, ты на Владимира не сердись, мы старые друзья ещё по комсомолу, и нам (он показал на секретарей ЦК) нужно было кое-что обсудить.

Улыбнувшись и махнув нам рукой, он отправился исполнять протокольные обязанности. А мы, теперь уже “четыре мушкетёра”, вернулись в зал и с аппетитом, в хорошем настроении перекусили и поговорили о жизни. Прощаясь, Аурих сказал мне:

— Я знал, конечно, что ты знаком с Эгоном, но не думал, что у вас такие товарищеские отношения.

— Теперь ты знаешь, — ответил я ему. — Ничто не мешает, чтобы и у нас с тобой и твоими заместителями были такие же отношения.

Должен сказать, что так и получилось.

А моё уединение с Кренцем мне “аукнулось”. Я, откровенно говоря, не ожидал, что это вызовет такую ревность у карьерных дипломатов. Некоторые из них косо смотрели на меня, шушукались по кабинетам и здоровались сквозь зубы. Все знающие ребята из “известного ведомства”, с которыми установились прекрасные отношения, говорили мне, что не стоит удивляться. Каждый из них мечтает о таких отношениях с руководителями страны, что позволило бы сделать головокружительную карьеру, а тут какой-то “безродный” бывший комсомолец на глазах у всех обнимается с ведущим

членом Политбюро и вообще исчезает с ним с глаз долой... “А знаешь, сколько было желающих с ним персонально перебраться парой слов и хотя бы представиться, а потом отчитаться, что состоялась обстоятельная беседа об актуальных проблемах взаимоотношений между нашими странами?..” Я, конечно, внимательно слушал, что говорили мне опытные сотрудники, благодарил их за кружкой пива и успокаивал.

— На контакты меня благословил посол.

Приём был в среду, а в пятницу меня вызвал Вячеслав Иванович. В начале рабочего дня в кабинет заглянул секретарь парткома Чернов К. М., угрюмый человек с глубоко посаженными недобрыми глазами, и сказал, что я переоценил свои силы и получу по первое число.

— А вас-то что это беспокоит?

— Партком в ответе за всё, — важно сказал он и вышел, полный осознания своей значимости.

Вячеслав Иванович встретил меня с доброжелательной улыбкой и, с любопытством поглядывая, спросил:

— Не ожидали, что кое у кого будет такая реакция? Привыкайте, здесь каждый окучивает свой участок. Но вы на это не обращайте внимания. Конечно, я сам должен был вас свести, но это же Кренц, он настолько предан СССР и комсомолу, что при встречах с друзьями из ЦК комсомола протокол для него не существует. И я убедился, что вас связывают товарищеские отношения. Меня это радует, мы должны таким отношением будущего руководителя ГДР дорожить. И вы при каждой возможности, когда он будет принимать участие в мероприятиях ССНМ, продолжайте с ним контакты и советуйтесь со мной, что с ним нужно обсудить. А завистникам я подскажу, чтобы вели себя по-товарищески.

— Не забудьте только о советниках-посланниках, особенно о Коптельцеве, многое от них исходит.

— Хорошо. Расскажите, о чём вы шептались?

Разумеется, я рассказал, что ему понравилась идея слёта, и он ещё позвонит министру, чтобы его сотрудники помогали мне. Ауриху велено дружить со мной, а вообще-то его волнует нестабильность в нашем высшем политическом руководстве, но подошедший Коптельцев помешал нам продолжить разговор, немного слухав я, будучи не уверенным, что мои слова и о нашем беспокойстве будут положительно восприняты. По реакции посла я почувствовал, что он доволен. С настроением победителя я вышел из кабинета и услышал доброжелательно вслед:

— Не забывайте со мной советоваться!

Эти слова, а главное — доброжелательную интонацию услышали все, толкавшиеся в приёмной. Среди них почему-то оказались Чернов и Коптельцев. Если первый ошарашенно смотрел на мою улыбающуюся физиономию, то умный советник-посланник, всё поняв, вежливо со мной поздоровался и к чему-то спросил:

— Вячеслав Иванович один?

— Да, — доверительно ответил я. — Можно заходить.

Что он тотчас и сделал. Постепенно наши отношения с ним нормализовались, и никаких проблем больше не возникало, а карьерные дипломаты нос держали по ветру и стали на всякий случай дружно общаться со мной.

Годы работы в ГДР были очень плодотворными для меня. Я получил доступ к информации, изучение которой заставило меня во многом пересмотреть свои и без того не очень ортодоксальные взгляды на реальный социализм, природу наших коммунистических партий и их внутреннюю политику. Исколесив страну вдоль и поперёк, постоянно встречаясь с немецкой вузовской интеллигенцией, с руководством ССНМ, читая выходявшие в ФРГ аналитические работы, посвящённые развитию отношений двух немецких государств, я приходил к выводу, что будущего у ГДР нет, если руководство СЕПГ не изменит в разумных пределах своего отношения к обществу, и полные оптимизма слова Эриха Хонеккера, что объединение Германии возможно, но только если ФРГ к ней присоединится, не имеют никаких оснований.

Пришло понимание главного: без всесторонней поддержки СССР ГДР не продержится и года. Но с избранием М. Горбачёва Генеральным секретарём мне постепенно стало понятно, что и будущее Советского Союза тоже неясно...

Летом 2004 года раздался телефонный звонок, и я услышал дорогой мне голос Евгения Михайловича Тяжелникова:

– Спешу сообщить, что Эгон Кренц вышел из тюрьмы и приезжает в Москву. Он хочет поскорее увидеть старых друзей.

Мы все ждали этого дня, все годы заключения нашего товарища переживали, посылали ему приветы и пожелания здоровья и мужества. Для молодёжи социалистических стран 70-х годов Эгон Кренц был во многом знаковой фигурой. В течение десяти лет он возглавлял ЦК ССНМ (Союз свободной немецкой молодёжи), являлся признанным лидером молодёжи ГДР, обладал огромнейшим авторитетом не только в своей стране, но и в мировом молодёжном движении. Я уже писал, что после избрания секретарём и членом Политбюро ЦК СЕПГ именно с ним большинство граждан ГДР связывали свои надежды на развитие страны, демократизацию общественных отношений, создание условий для более близких экономических и, что очень важно, гуманитарных связей с ФРГ. Тяга восточных немцев к объединению из года в год усиливалась, тем более, что уровень социально-экономического развития Западной Германии был весьма привлекателен. Я не согласен с теми, кто утверждает, что “консерватор” Эрих Хонеккер не осознавал неизбежности перемен. Многолетний руководитель партии и государства всё прекрасно понимал, являлся умным и сильным политиком, за плечами которого была активная борьба с фашистским режимом, десять лет тюремного заключения и огромный опыт строительства первого в мире немецкого социалистического государства. Он был ярчайшим представителем “активистов первого часа”, как их с уважением называли в народе, создававших страну после окончания войны, но его политическое время ушло, и не было уже былой воли, да и физических сил для проведения назревших реформ. И самое тяжкое: он больше не верил Москве и, прежде всего, Михаилу Горбачёву. С уходом из жизни Юрия Андропова он тотчас почувствовал, что в Кремле дела неладные и великий Советский Союз вошёл в несчастливую полосу своей истории. Безответственная демагогия тщеславного “Горби”, его вероломство и бесконечные метания усиливали действие центробежных сил в странах народной демократии.

17–21 апреля 1986 года состоялся 11-й съезд СЕПГ, в котором приняла участие и делегация КПСС во главе с М. С. Горбачёвым, которого по традиции встречали как самого дорогого гостя, что, несомненно, очень льстило ему. Его супруге, прибывшей с ним, была предложена отдельная программа знакомства с ГДР, и её тоже принимали на самом высоком уровне, что ей нравилось. Она буквально “купалась” в атмосфере доброжелательности, и рядом с ней неотлучно была жена и соратник Хонеккера Маргот, уже 23 года возглавлявшая Министерство образования страны. У меня создалось впечатление, наблюдая по телевидению, когда она посещала различные организации, музеи и театры, что Раиса Максимовна видела себя стоящей несколько выше на социальной лестнице, чем муж. Мои выводы подтвердили и работники посольства, по долгу службы сопровождавшие жену Михаила Сергеевича. Они были не случайной семейной парой, это уж точно. Во время личной встречи двух лидеров соцстран Хонеккер, как писал Кренц, откровенно выразил сомнения в обоснованности политики ЦК КПСС и методах проведения объявленных реформ. Горбачёв этого не забыл, оскорблённое самолюбие не позволило. Он был так же своевременно информирован о взаимоотношениях двух немецких государств и настроениях в обществе ГДР. Председатель Совета Министров Вилли Штоф передал ему обстоятельную аналитическую записку. Во время его визита мы, сотрудники посольства, были удручены, наблюдая подчёркнутую сдержанность Э. Хонеккера к изобретателю “нового мышления для СССР и всего мира”.

Предательство свершилось, “подкоп” под Берлинскую стену, совершённый с негласным участием единомышленников Горбачёва в ЦК и спецслужб ФРГ, обрушил границу всего Восточного блока.

Телевидение и газеты Советского Союза, контролируемые “прорабами перестройки”, буквально захлебывались от восторга по поводу очередного “торжества демократии и общечеловеческих ценностей”. Я в те дни находился в Бонне на стажировке в правительственных организациях ФРГ, но особенного восторга среди чиновников и жителей столицы не наблюдал. Скажу так:

открытие границ и разрушение Берлинской стены было воспринято со сдержанным удовлетворением, этого события ждали, и благодаря масс-медиа, сознание граждан Федеративной Республики было готово воспринимать “правильно” произошедшее. Всеобщее ликование было только в Берлине, и происходящее на его улицах напоминало хорошо подготовленную театрализованную постановку. Весь вечер я, обхватив голову руками, просидел возле телевизора и наблюдал бесконечные репортажи о том, что происходило в столице ГДР. На душе было грустно и тревожно, от того, что это было мной ожидаемо, легче не становилось. Не покидала пульсирующая мысль, что мы видим только начало, главные беды у нас впереди. Зримо представил многих, уже преклонных лет “активистов первого часа”, которые приходили на приёмы в советское посольство, как в дом родной, и с удовольствием говорили на русском языке, своих немецких коллег, с кем дружно работал, секретарей ЦК ССНМ и, конечно, с тревогой думал о Кренце и о бывших и настоящих руководителях ГДР. Что их ждёт в ближайшем будущем? Сомнений не было: расправа.

С Эгоном Кренцем я не виделся со дня возвращения из ГДР. Мне хотелось понять состояние души этого уже немолодого человека, которому после объединения пришлось отвечать перед неправедным судом за всю политику по отношению к ФРГ и Западу, проводимую руководством ГДР с момента её создания в 1949 году. Незаурядного политика и просто честного, мужественного человека начали преследовать с 1991 года, неоднократно подвергали аресту, проводили регулярные обыски дома, не выдавали паспорт и запретили выезд за черту Берлина. 25 августа 1997 года в результате так называемого “процесса Политбюро”, длившегося два года, его приговорили к 6,5 года тюремного заключения за “причастность к гибели людей у Берлинской стены”. Осудили по законам другой страны за то, что он следовал Конституции и исполнял законы суверенного государства, признанного мировым сообществом и являвшегося членом ООН. Бросили в застенки, если отбросить всю ничтожную юридическую казуистику, за политические убеждения, верность интернациональному долгу, любовь к Советскому Союзу, своей второй Родине, как он говорил. Тюремь Маобит и в Плётцензее открыли ему свои врата. . .

Россия, объявив себя правопреемницей СССР, в лице её вождей презрела свои политические и моральные обязательства по отношению к верному союзнику и другу нашей страны, оставшемуся преданным долгу и убеждениям.

На суде Кренц защищал свои убеждения, и речь его была блистательна. По мощи, аргументации, неумолимой логике и страстности она сродни речи Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе в декабре 1933 года, когда его обвинили в поджоге Рейхстага. Адвокаты Кренца подали прошение в Европейский суд по правам человека, рассмотрение дошло до Большой палаты, но 22 марта 2001 года оно было отклонено. Я долго искал в интернете, кто от России был в составе этого суда и проголосовал за принятое решение. Нашёл-таки фамилию ничтожества – Анатолий Ковлер, просиживавший там штаны с 1999 по 2012 годы.

Единожды предавший будет предавать всегда. Начали с ГДР и закончили позорной сдачей Эрика Хонеккера и его соратников. Но не только. Были осуждены сотни бывших партийных, военных руководителей, сотрудников госбезопасности и пограничников. На все творившееся беззаконие Горбачёв, а потом и Ельцин равнодушно закрыли глаза. Первое время бывший глава партии и государства был под защитой наших военных Западной группы войск, а затем его на военном самолёте привезли в Москву якобы как личного гостя Горбачёва. Но гостеприимство коварного “лучшего немца” продлилось недолго, и 10 декабря 1991 года ему было предложено в течение 3-х дней покинуть СССР. Хонеккер получил политическое убежище в посольстве Чили, но 30 июля 1992 года его выдали ФРГ, где уже подготовились к судебному процессу над ним, Вилли Штофом и министром госбезопасности Эрихом Мильке. Как только он приземлился в берлинском аэропорту Тегель, был тотчас водворён в тюрьму Маобит, **где уже сидел в гитлеровской Германии, арестованный в 1935 году, 57 лет тому назад. Круг судьбы замкнулся.** В своих записках, адресованных жене, он дал убийственную характеристику Михаилу Горбачёву, назвав его **мелким тщеславным буржуа от “перестройки”, предателем, который, очевидно, даже не заметил, как стал подлецом.** “Есть ли

советы у этого Горбачёва?” — задавал он вопрос. “Нет, тому Эрику Хонеккер, — отвечаю уже я. — Это нравственное состояние сознания меня неведомо, и всё его поведение после распада СССР — тому убедительное свидетельство”.

Судебные слушания начались под барабанную дробь всех масс-медиа, которые просто захлёбывались от предчувствия радостных новостей. Но не случилось: процесс против него и Штофа был прекращён по состоянию их здоровья, а Мильке 23 октября 1993 года осудили в возрасте 85 лет к шести годам тюрьмы за убийство двух полицейских ещё в 1931 году в Веймарской республике, но первого августа 1995 года его тоже выпустили в связи с преклонным возрастом. Эрик Хонеккер в январе 1993 года получил разрешение уехать в Чили к семье, где и скончался в Сантьяго-де-Чили от рака 29 мая 1994 года. Он прожил жизнь борца и покинул этот мир несломленным. Великая судьба антифашиста и коммуниста! Вечная ему память.

Не могу в этой связи не показать читателю одну из отвратительных черт политической физиономии Бориса Ельцина, о котором в своих тюремных записках бывший руководитель ГДР сказал, что **хотя бы здесь он освобождён от необходимости общаться с этим пьяницей**. Хамелеон был ещё тот, первый президент России! В 1986 году в качестве 1-го секретаря Московского ГК КПСС он был гостем партийного съезда коммунистов ФРГ, где в своём выступлении, хотя и косноязычно, но, как всегда, громко призывал делегатов строить социализм по примеру ГДР. А до этого, в 1985 году вместе с Хонеккером открывал в Москве памятник Эрнсту Тельману, говорил патриотическую речь и душил в медвежьих объятиях худенького руководителя ГДР. Но прошло каких-то пять лет и, желая понравиться канцлеру ФРГ, зная о смертельной болезни Хонеккера, насильно выдворил бывшего соратника из России, прекрасно понимая, что того ждёт несправедный суд... Такова была мораль у бывших руководителей КПСС. Удивляться не приходится, ген предательства, видимо, у них был в крови. Многие просто не знают, что руководство ВКП(б) в конце 1939-го и начале 1940 года многих антифашистов, эмигрировавших в СССР, выдало фашистской Германии. Мотив тот же — Сталин тоже не хотел портить отношения с Гитлером. Об этом нельзя было прочитать в учебниках по истории в годы советской власти, не прочтёте вы в современных учебниках и о предательстве руководства России.

... Мы встретились на территории бывшей Высшей комсомольской школы, ныне Московского гуманитарного университета. Ректор, Игорь Михайлович Ильинский, мой земляк, встретил гостя и нас с поистине сибирским хлебосольством. В жизни бывают удивительные совпадения: Е. К. Лигачёв, И. М. Ильинский и я в разные годы возглавляли Дзержинский райком комсомола г. Новосибирска. Волнующая наша встреча была дополнена щедрым русским застольем и душевными песнями 60–70-х годов. Рядом с Эгоном находились его многолетние друзья, бывшие секретари ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Б. Н. Пастухов, В. М. Мишин, А. Х. Везиров, Л. И. Швецова. Казалось, время вернулось вспять, не было этих лет безвременья и предательства. Я сидел напротив Эгона и его жены Эрики, непроизвольно следил за выражением их лиц и видел, как спадало напряжение, в потеплевших глазах появлялся молодой блеск, и они начинали улыбаться, видя нашу радость от встречи. Он с нескрываемым удовольствием говорил только по-русски, видимо, хотел этим показать, что ничто не забыто и ему дороги и наша речь, и наши песни. Немного отойдя душой, нашёл в себе силы вспомнить трагедию конца 80-х годов и чего ему стоило, осознав предательство Горбачёва и неотвратимость стихийного падения Берлинской стены, избежать крови, которая могла пролиться на улицы Берлина. А ведь в его руках, как я уже писал, была мощная армия и силовые структуры, которые, без сомнения, выполнили бы приказ главы государства. **Он не отдал его, тем самым сохранил жизнь людей, своих соотечественников**. И никто ему не судья, кроме истории.

На следующий день пошли вместе в Кремлёвские музеи. Стояли, как и все, в очереди, ярко светило солнце, на душе было тепло, мы шутили и весело смеялись. Как это часто в жизни неожиданно бывает, рядом оказались немецкие туристы. Эгона сразу узнали и начали перешёптываться. Затем один из них подошёл, вежливо с рукопожатием поздоровался и сказал, что они все рады его освобождению и им отраднее видеть их с супругой здесь, в Кремле, в кругу русских друзей. Прощаясь, я спросил Кренца, какие у него

ощущения от посещения России, ведь прошло пятнадцать лет с момента его последнего приезда в Москву. Он немного задумался и ответил, что они с женой сильно волновались перед поездкой, так как многие настоятельно советовали им этого не делать. Они переживали за его здоровье, обоснованно опасались, что ему будет очень больно, если он поймёт, что приехал в незнакомую, чужую страну.

— Но знаешь, к счастью, этого не произошло. Снова почувствовал себя дома, как в старые добрые времена. Я много передумал, находясь в тюрьме. Как ты понимаешь, времени было более чем достаточно, и я решил, что обязан после себя оставить правду о нашем времени, а для этого должен написать книгу, и не одну. Мне ведь по суду запрещено заниматься политикой. В заключении я собрал волю в кулак и написал “Тюремные записки”, буду читать лекции, рассказывать правду о ГДР, о социализме, потому что убеждён: **если не социализм, то значит варварство**. Мне есть что сказать людям, о чём должен предупредить сограждан. Жизнь, Владимир, продолжается.

Очередная встреча произошла в январе 2008 года на 80-летию Е. М. Тяжельникова. Мы обрадовались друг другу, уединились минут на тридцать и по душам поговорили. А потом начались поздравления нашего дорогого юбиляра, и, когда ему предоставили слово, он очень тепло и искренне говорил о своём друге, его мудрости и человечности и благодарил всех нас за многолетнюю дружбу.

— Вы были моей нравственной поддержкой в самые трудные для меня годы. Я этого никогда не забуду, мои советские товарищи.

У меня всегда перед глазами цветная фотография с той памятной встречи у И. М. Ильинского. Прошло уже тринадцать лет. На ней дорогие мне лица, о которых я уже упоминал, и среди них Ф. С. Санакоев, которому посвящена отдельная глава моей новой книги, а также директор издательства “Молодая гвардия” В. Ф. Юркин. Увы, жизнь состоит не только из радостных встреч, но и из трагедий. Несколько лет тому назад покинула этот мир Людмила Ивановна Швецова, а в прошлом году ушла от нас супруга и верный друг всей трудной жизни Эгона, Эрика. Светлая им память! 13 марта 2017 года нашему боевому соратнику исполнилось 80 лет, а 6 ноября этого же года поздно вечером раздался звонок, и я услышал знакомый голос:

— Владимир, это Эгон. Приветствую тебя, друг, как здоровье, держись? Я приехал по приглашению Геннадия Зюганова на торжества по случаю юбилея Октябрьской революции, и мы только что вернулись из Петербурга. Программа очень плотная, через два дня улетаю. Но надеюсь увидеть тебя на торжествах, посвящённых 100-летию Ленинского комсомола. Приеду обязательно.

Конечно, я был взволнован звонком, сказал, что написал монографию о России в XX веке и заканчиваю воспоминания, где есть страницы, посвящённые моей работе в ГДР и ему. Так что при встрече смогу подарить ему свои новые книги. На этом мы простились и пожелали друг другу встречи через год.

Да, мой читатель, Эгон Кренц прав — жизнь продолжается, и важно понять, куда влечёт нас рок событий и где в этом непредсказуемом течении времени твоё место. Ясно одно, что нужно иметь мужество воспринимать день сегодняшний таким, каков он есть, но ещё большее мужества требуется для того, чтобы выработать и отстаивать свою точку зрения, независимо от возраста и обстоятельств, не изменять принципам, которые были в тебя заложены в юности.

2. Госкомиссия

В 1989 году меня пригласили в Госкомиссию по экономической реформе при Совмине СССР на должность заведующего сектором. Это означало, что пришло время прощаться с Академией общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, где оставалось много хороших товарищей среди преподавателей и аспирантов, которые, в отличие от меня, не спешили с защитой диссертации, решив продлить себе необременительную жизнь в предчувствии тяжких времен. По прошествии почти тридцати лет продолжаю дружить с Олегом Цаголовым, живущим по-прежнему во Владикавказе и работающим главным редактором старейшего на Кавказе книжного издательства, Михаилом Жеребкиным, обосновавшимся несколько лет тому назад в Ялте, Михаилом Тихоновым и Че-

рёмухиным Виктором. Михаил защитил докторскую диссертацию и преподаёт сейчас в Крымском федеральном университете истории России. Второй Михаил тоже успешно защитил докторскую и работает первым заместителем руководителя департамента образования мэрии г. Москвы. Черёмухин сделал блестящую карьеру, создавал и многие годы руководил пресс-службами Государственной Думы и Федерального собрания, а последние годы являлся секретарём Московского союза журналистов. Более трудолюбивого и ответственного человека сложно представить. А два года назад он создал исторический клуб “Моё Отечество”, который возглавил вместе с известным политиком Сергеем Бабуриным. Я, разумеется, с самого начала стал членом этого дискуссионного клуба и стараюсь быть полезным, выступая с докладами и в прениях по обсуждаемым вопросам. Дорожу моими отношениями ещё с одним выпускником академии, доктором политических наук Виктором Мостовым, много лет проработавшим в Администрации Президента и сохранившим независимость в оценке проводимой в стране политики. Честно скажу, каждый из моих друзей достоин отдельной главы. Я ими очень горжусь.

Итак, академия в прошлом, и я переступил порог Совмина СССР. Что сразу неприятно удивило – важнейший правительственный орган был укомплектован только наполовину. Бюрократическая машина работала со скрипом, было слышно, как нутужно скрипят её ржавые колеса и шестерёнки, и постоянно обрываются приводные ремни. На улицах Москвы бушевала “демшизовская” стихия, но в распорядке работы кадровой службы правительства ничего не менялось. Кандидатуры рассматривали в микроскоп; снова сотрудники КГБ проверяли достоверность сведений, изложенных в анкете: где родился, крестился, был ли в плену или на оккупированной территории, проживают ли за границей родственники и поддерживаешь ли ты с ними отношения. Для этой публики время остановилось уже давно, и они добросовестно отработывали свой хлеб. Документы гуляли по этажам месяца три, а то и четыре. Несомненным прогрессом было обязательное тестирование, которое проходили все кандидаты. Нужно было ответить на несколько сотен вопросов. Некоторых отсеивали сразу – не набирали нужного количества баллов. Я, похвально, показал максимально возможный результат и начал проходить собеседования. Сразу познакомился с руководителем аппарата Комиссии в ранге министра П. М. Кацурой и заместителем Совмина СССР Абалкиным Л. И. С Петром Макаровичем долгие годы в дальнейшем нас связывали товарищеские отношения. Ими было принято решение не дожидаться окончания проверок и всех остальных бюрократических процедур, а сразу мне приступить к работе. Против такого проявления управленческой мудрости я, конечно, не возражал, потому что времени для принятия каких-либо стабилизирующих мер в стране было в обрез. И убедившись, что я что-то соображаю в макроэкономике и теории управления системами, меня включили в группу, которой надлежало в установленные сроки написать Программу перехода к рыночным отношениям.

“Больше социализма!” – кто помнит тогдашний горбачёвский лозунг? Все кругом были одержимы демократическим и гражданским пафосом. “Концерты экономистов” собирали толпы. Общественное мнение, увы, оказалось podatливо на обольщения рыночных “савонарол”. Большая часть сотрудников Комиссии отдавала себе отчёт, что перевод зрелого, но стагнирующего планового хозяйства сверхдержавы на рыночные рельсы невероятно сложен в интеллектуальном, организационном и политическом отношении, ибо этот перелом затронет миллионы человеческих судеб. С нами сотрудничали самые светлые головы Академии наук, Госплана, различных общесоюзных министерств, и мы все понимали опасность псевдорыночного экстремизма.

Но искус простых и быстрых решений был велик, на него повелись и многие не искусенные в экономике политики, выскочившие, как чёрт из табакерки, из различных заштатных НИИ и кафедральных лабораторий.

В обществе на глазах назревал раскол. Диаметрально различные подходы к реформированию народного хозяйства проявились и в Комиссии. Группа Ясина, Явлинского и Алексашенко объединилась в команду и, не мудрствуя лукаво, взяв за основу программу поляка Бальцеровича, начала “творчески” её перерабатывать, пробуя подогнать под условия СССР. В итоге появился документ с многообещающим названием “500 дней”, который шумно рекламировали, навязывали всем, кому можно, но результата не добились, потому что

было очевидно: предложенные меры нежизнеспособны, разработчики не знали всей сложности функционирования народнохозяйственного комплекса страны. Родившийся документ являл собой классический образец авантюристического подхода к проведению реформ. Но **химеры “регионального хозрасчёта”, а потом и “обвальной приватизации”, как крапивное семя, уже были посеяны в разгорячённом общественном сознании.** Наша группа стояла жёстко на том, чтобы органично соединить рыночные и плановые регуляторы при модернизации экономики. Но не тут-то было! “Прорабы” перестройки неистовствовали: “Даёшь!” Раздоры, интриги лихорадили и Старую площадь: **14 марта 1990 года КПСС лишилась закреплённой в Конституции руководящей роли в жизни страны.** Траур поселился в партийных органах, многие сотрудники начали лихорадочно подыскивать запасные варианты. В тяжёлых предчувствиях, угнетаемые двусмысленностью всего происходящего на самом “верху”, мы, всему наперекор, добросовестно выверяли “ложию” перехода к многоукладной экономике. В решающий момент, когда уже появились соперничающие популистские программы, Горбачёв, со свойственным ему вероломством и самонадеянностью, граничащей с глупостью, переметнулся от нас, **предал умного, но нерешительного Николая Ивановича Рыжкова и ещё более робкого, добрейшей души человека академика Леонида Ивановича Абалкина, возглавлявших нашу команду, и сговорились с ярым своим “ненавистником” Ельциным и “отцами” демократии, стоявшими за его спиной.** Это произошло на наших глазах, о чём читатель прочтёт во втором издании моей книги “Россия: испытание Смутой”. Предложенная нами программа была оболгана и, разумеется, не востребована, и мы оказались не ко двору. Отсутствие перспективы парализовало работу Комиссии, сотрудники стали просто отбывать трудовую повинность и думать, к какому лагерю пристать.

Прежде чем принять решение о своей дальнейшей судьбе, я решил сходить к заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС Владимиру Антоновичу Ивашко и рассказать, чем грозит решение Горбачёва отказаться от программы правительства, и поделиться соображениями, что может произойти с профессиональными кадрами после прихода к власти Ельцина. Утром позвонил по “вертушке” в его приёмную, представился и попросил соединить с ним. Трубку взял помощник, он секунд тридцать не мог выговорить ни единого слова от возмущения, что какой-то завсектором Совмина запросто просит соединить его с самим Ивашко.

– Вы отдаёте отчёт в своём поступке, – придя в сознание, но всё ещё заикаясь, выдавил он из себя. – Вы понимаете, что это не ваш уровень? Ему Абалкин, и тот звонит крайне редко.

– Вот и плохо, – спокойно ответил я. – Если бы звонил чаще, то не было бы необходимости мне вас тревожить, и поэтому не теряйте даром времени и доложите Владимиру Антоновичу, что с ним по важному делу безотлагательно хочет поговорить коммунист Попов Владимир Данилович. Я советую вам это сделать, или вы забыли, что страна живёт уже несколько лет в другом измерении.

Что-то продолжая возмущённо бормотать, он соединил меня с Ивашко.

– Здравствуйте Владимир Данилович! – раздался спокойный голос. – Вы хотите что-то мне сообщить?

– Да, но это не телефонный разговор, поэтому прошу меня принять, есть серьёзный разговор.

– Хорошо, сможете подойти в 14 часов?

– Конечно, только пусть ваш строгий помощник закажет мне пропуск, а то по удостоверению сотрудника Совмина в здание ЦК не пускают.

– Слушайте, а я этого и не знал...

За пятнадцать минут до назначенного времени я уже объявился в его приёмной и предупредил о своём прибытии. Мне предложили присесть, но, честно признаюсь, ждать в приёмных я никогда не любил, поэтому вышел в коридор и неспешно прогуливался по нему, ожидая вызова. Минут через десять показались два огромных охранника, за ними я не сразу заметил невысокого хозяина кабинета. Через минуту и я зашёл в приёмную. Мне тотчас предложили пройти к Ивашко, что произвело на меня должное впечатление. Владимир Антонович вышел из-за стола и, приветливо улыбаясь, пошёл ко мне навстречу.

— Точность — вежливость королей, — как можно теплее, чтобы это не выглядело нахальством, пошутил я, показывая на часы.

— Да, Владимир Данилович, я тоже никогда не любил тратить впустую время в приёмных у начальников, — ответил он, не скрывая, что моя “тонкая лесть” ему понравилась.

Продолжая улыбаться, он пригласил меня за стол и предложил традиционного чая с сушками.

— Я, признаюсь, успел пообедать, но от чая не откажусь... Каким временем я располагаю?

— Как пойдёт разговор... Мне не часто приходится встречаться с завсекторами правительства. Вероятно, не частный случай заставил вас позвонить мне?..

— Это вы точно сказали — не частный... .

Принесли чай с сушками, чему я был рад, потому что остался без обеда, но до этого было — готовился к встрече, проигрывая различные варианты, исходя из времени, которым буду располагать. Сделав глоток ароматного напитка, рассказал ему, чем наша рабочая группа в Комиссии занималась последний год, какого качества программу перехода к рынку мы подготовили и какие принципы были заложены при её создании. Поведал и о том, как мы стали невольными свидетелями, когда Горбачёв, не видевший даже в глаза наш труд, позвонил с юга, где он отдыхал, Н. И. Рыжкову и, не дослушав его информацию о завершении работы, тоном, не терпящим возражений, сказал, что поручил готовить проект реформы академику А. Г. Аганбегяну, который должен использовать проекты Явлинского и других сторонников радикальных реформ. “Ваши наработки тоже можете передать ему”, — сказал он. Я старался говорить чётко, обращая его внимание на те детали, где прячется чертовщина и чем для страны может закончиться желание провести реформы наскоком, без учёта реальных возможностей экономики СССР и управленческих кадров. Слушал он очень внимательно, удивление не покидало его лица. На секунду прервал меня, позвонил помощнику и велел перенести намеченные встречи на неопределённое время.

— Вы знаете, впервые об этом слышу. Горбачёв мне ничего не говорил о принятом им решении, хотя только вчера я с ним разговаривал. Меня тоже не знакомили с разработанной в Комиссии программой, я её немедленно запрашиваю.

Он снова взялся за телефон, связался с Абалкиным и попросил прислать ему срочно проект. После этого настала его очередь говорить. Он поделился своим профессиональным опытом, поведал, как возглавлял группу советников от ЦК КПСС в Афганистане и как непросто было там работать. Я, конечно, внимательно слушал и никак не мог понять, какое отношение его “консультативная” деятельность в этой стране, из которой мы были вынуждены уйти, имеет к программе перехода к рынку. Оказывается, на него незабываемое впечатление произвели базары, которые они иногда под охраной взвода десантников посещали.

— Знаете, Владимир Данилович, что поразительно? Нищая страна, а на рынке избыток, можно купить, что душа пожелает, были бы деньги... .

Я осторожно, чтобы не нарушить атмосферу разговора, поддакивал ему и тактично старался объяснить, что это не рынок, а азиатский традиционный базар, где, как в Греции, “всё есть”. Он смеялся и отвечал, что это и удивительно. Постепенно удалось вернуть его к теме нашей встречи и корректно выразить удивление, что такие важные для страны вопросы, как принятие или непринятие программы кардинальных реформ, определяющих судьбу страны, не рассматриваются в Социально-экономическом отделе ЦК и не выносятся на рассмотрение Секретариата и Политбюро. При всём уважении к Генеральному секретарю партии, это не может быть только его компетенцией. Он, конечно, ещё и Президент страны, но есть Верховный Совет СССР, и только он правомочен придавать таким программам силу закона. Владимир Антонович, что опять-таки меня приятно удивило, живо отреагировал на эти слова и ответил, что постарается внимательно во всём разобраться. Тогда я предложил ему обсудить ещё один не менее важный вопрос.

— Давайте, давайте, Владимир Данилович, внимательно слушаю.

— Независимо от того, какая программа будет принята, осуществлять её будут люди. Согласитесь, что сегодня наши управленческие кадры к этому не

готовы, они выросли в условиях планового хозяйства, и им придётся переучиваться на ходу, а это далеко не всем будет под силу, и мы потеряем хороших специалистов. Наша задача — их сохранить, для чего нужно незамедлительно организовать обучение законам рыночной экономики, чтобы помочь им изменить своё поведение в новых экономических условиях. Тем более, это необходимо делать именно сейчас, потому что, если будет принята программа радикальной реформы, они “поплывут”, растеряются, и управление не только предприятиями, но и целыми отраслями захватят авантюристы, мошенники и, разумеется, “теневики”, которые уже легализовали свой бизнес в кооперативах. Вся эта публика имеет уголовное мышление. В таком случае будет потеряна управляемость и в народном хозяйстве наступит хаос.

— Владимир Данилович, не сомневайтесь, партия этого не допустит, поверьте, мы крайне озабочены тем, что происходит в стране.

— Уважаемый Владимир Антонович, поздно быть просто озабоченными. ЦК КПСС своим соглашательством уже породила серьёзные проблемы, создав коммунистическую партию РСФСР, тем самым ослабив центр. Я уже не говорю об отмене шестой статьи Конституции. Прибалтийские республики фактически вышли из состава СССР, восстановив действие буржуазных конституций, а компартия Эстонии заявила о своей независимости от КПСС, и этот процесс уже не остановить. Это не только политическая сторона начавшегося распада Советского Союза. Как следствие, будет разрушен народно-хозяйственный комплекс, разорваны кооперационные связи, которые нарабатывались многие десятилетия, заводы встанут, рабочие окажутся на улице. Националистические кадры, захватившие власть в союзных республиках, сделают всё, чтобы разорвать даже во вред себе экономические отношения с РСФСР. Им на волне национализма и порождённого им хаоса легче удержать власть, а где эта “бубонная чума” XX века восторжествует, коммунистическая идеология будет надёжно похоронена в обломках советской власти. Тогда и начнутся неизбежные гонения на коммунистов и массовое изгнание русских и всех противников новых режимов. Представьте только, сколько миллионов обездоленных людей приедут в Россию, спасаясь от террора. Задача местных элит предельно ясна — создать независимые государства без русских. Это способ их выживания, потому что за душой у них, кроме оголтелого национализма, которым они прикрывают свои шкурные интересы, ничего нет. А теперь представьте, с какими проблемами столкнётся руководство коммунистической партии в России в условиях разрухи и потери управляемости... Аналогичные процессы протекают уже в автономных республиках и областях РСФСР, где новоявленные народные вожди выползли из “подполья”, и они также мечтают о суверенитете. Кто всё эти проблемы будет разруливать? На кого смогут опереться партийные органы на местах, чтобы **сохранить свою руководящую роль на деле**, а врагов у нас и внутри России более чем достаточно.

Программы выхода из кризиса нет, коммунисты, в том числе и сотрудники ЦК, деморализованы. Те же настроения и в Совете Министров. Можно, конечно, и дальше закрывать на происходящее глаза, но эта попытка балансировать на краю пропасти долго продолжаться не может. Как сказал Ницше, если долго смотреть в бездну, она начинает смотреть на тебя.

Лицо моего собеседника с каждым произнесённым словом мрачнело, в глазах появилась тревога. Я чувствовал, что ему хочется мне возразить, но он сдерживал себя. Я понимал, что мои аргументы очень жёсткие и носят обвинительный характер, но отступить было поздно, нужно было обязательно сказать о том, что меня тревожит.

— Владимир Антонович, я понимаю, что вам это слышать непривычно и неприятно, но **рабочие и крестьяне не простят партии политики, которая привела их семьи на исходе 20-го века к бедности и бесконечным, длиною в жизнь очередям**. Об интеллигенции, особенно творческой, речь вообще не идёт, для большинства из них КПСС была калиткой к кормушке. Об офицерском корпусе и силовых ведомствах, включая КГБ, не говорю, но убеждён, что они примут, о чём свидетельствует мировой опыт, сторону победителя, забыв о присяге. Остаются директора предприятий и госслужащие. Мы должны помнить, что за спиной руководителей заводов — миллионы рабочих и, если их бросить на произвол судьбы, они отвернутся от КПСС, и каждый станет выживать в одиночку, захватывая госсобственность.

Вы же знаете, как повели себя рабочие в 1918 году, когда были национализированы заводы и фабрики? Быстро сообразили: коль теперь они хозяева, то вправе распоряжаться имуществом по своему усмотрению. И распорядились вместе с назначенными директорами из рабочих — всё, что представлялось ценным в личном хозяйстве, растащили. Обвал промышленности после революции произошёл не потому, что была гражданская война, — изгнали грамотных управленцев и специалистов как классово чуждый элемент и, не зная, что и как делать, занялись тем, что умели. У советских рабочих за 70–80-е годы накопился в этой области огромный “опыт” — “несунов” не счесть. Не нужно обольщаться на счёт высоких нравственных качеств народа и его руководителей. Нравственность, мораль, честность — это всё производные условных рефлексов, а последние начинают угасать вместе с изменяющимися бытовыми условиями жизни и атмосферы в обществе. И на сломе эпох.

— Что же вы предлагаете?

— **Первое.** Передаю вам проект закона “О государственной службе”, который мы вместе с сотрудником Юридического отдела Совмина Валерием Гуляевым разработали. Я был на стажировке в Германии, и всё лучшее, что мне удалось узнать там, в нём отражено. В ФРГ самое совершенное на Западе законодательство. Документ был внесён на рассмотрение в Верховный Совет СССР. На обсуждение в профильном комитете авторов даже не пригласили. От нашего проекта остались рожки да ножки. Выбросили статьи, что гарантировали неприкосновенность госслужащих, независимость от прихоти начальников и много чего другого, что негативного нас ждёт в процессе реформ, проведение которых всегда болезненно для многих слоёв населения. Основная цель закона — сохранить профессиональные кадры и создать условия для своевременной переподготовки. А сегодня принятие законодательных актов о госслужбе отдали на откуп пока ещё формально существующим союзным республикам, как будто нет общесоюзных министерств и ведомств, где и сосредоточены наиболее грамотные специалисты.

Второе. КПСС имеет уникальный опыт в кадровой работе, подготовке и переподготовке кадров. Созданная система подкреплена самой мощной в стране учебной базой и грамотным профессорско-преподавательским составом.

— А откуда вам это известно, Владимир Данилович?

— Я закончил аспирантуру АОН при ЦК КПСС и защитил диссертацию на основе сравнительного анализа социально-экономического и политического положения ГДР и ФРГ, и доказал неизбежность их объединения по самому худшему варианту — поглощение. Так и произошло. До Академии я четыре года проработал в посольстве СССР в Берлине, так что видел, как начинались процессы разрушения страны, которые в конечном итоге привели к гибели ГДР, где сейчас объявлена охота на коммунистов и их руководителей. И огромная вина за произошедшее, как и за развал социалистической системы, лежит на руководстве Советского Союза. Мы всех наших союзников сдали на милость врагу. Смею заверить, милосердия проявлено не будет, им будет предьявлен счёт за весь страх, который Запад пережил за годы торжества социализма. Или это не так?

И вдруг я наткнулся на полные печали глаза моего собеседника — **он всё понимал и был бессилен что-либо изменить.** Пришлось резко поменять тональность разговора.

— Предлагаю принять решение Политбюро и сработать на опережение — половину учебных помещений региональных Высших партийных школ отдать под филиалы Академии госслужбы, созданной на учебной базе АОН при ЦК КПСС. Другого выхода нет. Учебные программы можно разработать при помощи западных преподавателей, в ФРГ я знаю очень хороших специалистов по методикам обучения. И срочно послать большую группу преподавателей на стажировку в европейские учебные центры, там пока ещё к нам хорошо относятся. На сегодня это всё, что я хотел вам сказать, Владимир Антонович.

— Как я понимаю, у вас в запасе ещё многое есть, чем Вы хотели бы со мной поделиться.

— Вы правы, но нужно начинать с главного, потому что время не терпит. Кстати, учебные пособия должны быть увязаны с Совминовской программой перехода к планово-рыночной экономике, которую предстоит принять Верховному Совету, чтобы она стала законом, а дальше депутатов ждёт огромная по объёму законодательная работа по созданию для нашей страны новых

рыночных институтов, необходимых для проведения реформ. И вся эта нормативная база со временем должна найти отражение в учебных планах. И поэтому, не теряя время, начинать нужно сейчас и обеспечить мощную пропагандистскую подготовку, чтобы стало понятно всем: партия работает на будущее уже сегодня, она по-прежнему остаётся самой влиятельной политической силой и дальше отступать не намерена. Сталин как-то обходился и без записи в Конституции, делом доказывая её руководящую роль. “В условиях реконструкции народного хозяйства кадры решают всё”, Владимир Антонович, мне ли напоминать вам изречённую им истину, когда начиналась модернизация страны по его плану.

Ивашко задумчиво смотрел на меня и, помолчав, сказал, что он благодарит меня за честный и откровенный разговор коммуниста с коммунистом.

— Я с вами не прощаюсь, мы ещё неоднократно будем встречаться, мне нужно хорошо подумать, посоветоваться с товарищами. Через несколько дней я выступаю в связи с началом учебного года перед преподавателями нашей Академии, и у меня будет возможность обстоятельно обсудить план действий и с Рудольфом Григорьевичем Яновским. А вы завтра повстречайтесь с руководителем Социально-экономического отдела ЦК Александром Владимировичем Власовым, с ним будете взаимодействовать по программе, разработанной в Комиссии. Она сегодня будет у меня на столе, и я приглашу к себе Абалкина. Мы вместе подумаем, как нам действовать дальше.

Он проводил меня до приёмной, тепло попрощался, чем привёл в изумление и без того находящегося в смятении помощника, ведь я в его понимании совершенно нахально на 2,5 часа оторвал шефа от серьёзных государственных дел. И уже при выходе в коридор услышал, как Ивашко попросил срочно найти Абалкина и соединить Попова с ним, когда он будет звонить. Очень довольный беседой и гордый собой, я вернулся к себе. Был уже конец рабочего дня, кабинеты были пусты, чего не было раньше. На месте были трудоголик П. М. Кацура и его заместители, которые не знали, чем им заняться. Позвонил Петру Макаровичу и сказал, что надо поговорить без свидетелей. У меня с ним сложились уже доверительные отношения, и я просто обязан был его предупредить о состоявшемся разговоре в ЦК, чтобы он мог сразу отреагировать на реакцию Рыжкова и Абалкина. Выслушав, он долго молчал, проигрывая в уме различные последствия моего визита и сдержанно улыбаясь. Удивительно, но у этого сурового человека была улыбка стеснительного человека... Он изрёк:

— Ну, ты, Володя, даёшь! Представляешь, какой шум может сейчас подняться, ты же нарушил всю субординацию отношений между Совмином и ЦК! Рисковый парень, но мне это нравится.

— Петр Макарович, какая к черту субординация, если страна летит в тар-тарары! Завтра не будет и нашей Комиссии, и Совмина СССР, и ЦК, а мы правила приличия соблюдаем... Почему Рыжков так легко уступил Горбачёву, почему Леонид Иванович “притих” в кабинете? Ведь мы же знаем, что лучшей Программы никто не предложит, а сидим сложа руки и ждём от моря погоды. Загляните в рабочие кабинеты, они уже пусты. Вы знаете, что многие наши сотрудники регулярно бегают к Ельцину с Хасбулатовым и предлагают свои услуги? Мне наплевать, буду завтра работать здесь или нет, я поступил, как считал нужным. Если не поможет мой демарш, значит, всё предreshено и СССР некому защищать, а выполнение нашей Программы могло бы снова, исходя из экономических интересов, способствовать сближению республик. Разве я не прав?

— Всё так, Володя, но мой опыт подсказывает: поздно. Время работает уже не на нас. Давай-ка лучше выпьем по рюмочке коньяка, не спеша попьём чаю, поразмышляем и поедем по домам. Думаю, что завтра начнётся движение в “верхах” и нас с тобой затребуют для объяснений. Хорошо, если бы только встречей с Абалкиным обошлось.

На следующее утро, в восемь часов я уже сидел в кабинете. Позвонил Кацуре, он сказал, что вечером ему звонил взволнованный Леонид Иванович и велел нам в 10 часов быть у него. Наши опасения оказались напрасными, академик был человек интеллигентный, и ему понравился разговор с Ивашко:

— Это очень хорошо, что Владимир Данилович инициировал встречу. Может, что-то из этого и получится. Владимир Антонович мне сказал, что сегодня у вас встреча с Власовым. Он присутствовал при нашей беседе и тоже

проявил большой интерес к Программе. Ивашко считает, что вы должны быть связующим звеном между нами, он постоянно на вас ссылался, я бы сказал, цитировал, как классика.

— Откровенно говоря, Леонид Иванович, мне непонятно, с чем идти к Власову после его встречи с вами.

— Не скажите. Нужно познакомиться, найти с ним общий язык, это умный и сильный человек. За плечами Владимира Александровича работа первым секретарём обкомов партии, министром МВД СССР, и не забывайте, что немногим более двух месяцев назад он ещё был Председателем СМ РСФСР и совсем немного проиграл Ельцину в борьбе за пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

— Леонид Иванович, немного не считается. Он проиграл навсегда, и в нынешнем раскладе сил в ЦК слабеющей партии ему очень сложно рассчитывать на реванш, хотя он представлен во всех её руководящих органах. Мне это очевидно. Можно идти?

— Да, конечно. Ещё раз благодарю за инициативу и договариваемся, что будем втроём корректировать каждый шаг. Противников у нас много, поэтому даже в Комиссии пока ничего не должны знать. Есть ли ко мне вопросы?

— Есть просьба. Нам пришла идея создать консорциум “Персонал управления”, соучредителями которого могли бы стать некоторые вузы, АОН при ЦК КПСС, горисполкомы крупных городов, государственные органы союзных республик. На первых порах его сотрудники занялись бы подготовкой учебной продукции, пособий и учебников для переподготовки госслужащих. Люди, способные грамотно заняться этой работой, есть. Прошу нас поддержать и принять соответствующее постановление Совмина, чтобы наше предложение было по-государственному значимо. Денег и помещений просить не будем, я уже со многими потенциальными учредителями предварительно договорился.

— Владимир Данилович, когда вы успеваете?

— Я же не один, у нас серьёзная команда. Мы всё сделаем сами, лишь бы нам не мешали.

— Хорошо, идея своевременная и, главное, для нас бесплатная. Забрасывайте ко мне проект решения и пояснительную записку. Пётр Макарович, вы в курсе?

— Нет, но ход его мысли мне нравится... — и он весело рассмеялся.

Воодушевлённый, в хорошем настроении я покинул больших начальников.

Встреча с Власовым состоялась, как только к нему позвонил. Обсудили нюансы нашей стратегии и тактики в продвижении Программы. Он прекрасно представлял все подводные камни на пути. Его крайне тревожила позиция Горбачёва, который, узнав о своеволии, может закусить удила, ведь никто не ведал, о чём он договорился с Ельциным. В отличие от Ивашко, при упоминании имени Генерального секретаря в его голосе чувствовалось раздражение. Через несколько дней мне позвонил Р. Г. Яновский и рассказал о своей встрече с Владимиром Антоновичем и его выступлении перед преподавателями Академии.

— Ты знаешь, он открыто сказал, что вопрос о создании Академии госслужбы предreshён и ректором её будет выпускник вашей аспирантуры Владимир Данилович Попов. От него я знаю о твоём визите к нему и внесённых предложениях. Скажу сразу, что в моём лице и в лице ректората ты получишь всяческую поддержку. Как только состоится решение Политбюро, сразу приезжай, и будем вместе думать, как запускать учебный процесс.

Я удивился некоторой поспешности Владимира Антоновича, ведь неизвестно, как на эти предложения отреагирует Горбачёв. Прошла неделя, объявили о возвращении его из отпуска — гробовая тишина. Зашёл к Кацуре, спросил, есть ли новости.

— Судя по настроению академика, дела обстоят неважно, но пока никаких вопросов ему не задаю.

Ждём. Прошла ещё неделя, позвонил Власову и договорился о встрече. Он предложил обсудить создававшуюся ситуацию в сквере возле памятника героям Плевны. Мне стало понятно, что дела наши плохи. Встретились и, неспешно прогуливаясь, Владимир Александрович рассказал, что наши инициативы вызвали у Горбачёва гневную отповедь:

— Мы многое от него выслушали в свой адрес. Все наши попытки втолковать ему, что Программа Комиссии проработана специалистами ЦК и мы готовы её активно поддержать, ни к чему не привели. Он ещё раз категорично заявил, что они с Ельциным обо всём договорились и будет разработан другой документ, учитывающий современные экономические теории. А мы свою **планово-рыночную модель экономики вместе с китайским опытом можем засунуть куда-нибудь подальше**. На наш вопрос, что это за теории и где они успешно внедрены, мы не удостоились ответа.

Я слушал его молча, середина сентября баловала нас солнечной погодой, а на душе было пасмурно. Тяжело проигрывать, хотя изначально знал, что выиграть будет тяжело. Но когда ввяжешься в драку, как-то не думаешь, что твой противник в другой, более тяжёлой весовой категории и результат боя предreshён — в любом случае победа будет за ним. Не праздный вопрос: а судьи кто? Здесь даже этого очень русского вопроса не стояло. Они же и судьи.

— Отверг он также идею создания Академии госслужбы и принятия закона, проект которого вы предложили.

— А он хотя бы бумаги в глаза видел?

— Конечно, нет!

— А что, Политбюро уже никакой роли не играет? Или у вас там с Ивашко нет сторонников?

— Это уже не Политбюро, в нём одни партийные функционеры, и многие из них слепо следуют за Горбачёвым. А Владимир Антонович слёг, забарахлил на сердце.

Власов говорил тяжело, как будто камни бросал, и было заметно, что гнев переполняет его. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не дать выплеснуться эмоциям.

— Всё ясно, Владимир Александрович. Передавайте от меня ему пожелания здоровья, и пусть бережёт себя, потому что проблемы в ЦК только начинаются. А та теория, которая, по словам Горбачёва, будет положена в основу реформ, будет преследовать только одну цель: уничтожить наши конкурентоспособные предприятия и, прежде всего, оборонный комплекс, станкостроение и машиностроение. **Без этих отраслей мы лишимся современных технологий и неотвратно превратимся в сырьевую страну, и будем полностью зависеть от потребителей на Западе**. Но это только начало. Задача у них одна — развалить СССР, а затем, набравшись опыта, расчленив Россию. Поверьте, непременно встанет вопрос о нашем суверенитете. Я неплохо знаю экспертное сообщество в ФРГ, и они в разговорах со мной не скрывают конечной цели неожиданной “любви” западных политиков к нам. По сути, **Горбачёв уже отдал власть в руки Ельцину и так называемых демократов**. КПСС будет распущена, её имущество будет под прикрытием национализации разбазарено, советская власть будет свергнута. Иллюзий никаких не должно быть, и мы снова будем строить дикий капитализм, потому что другого у нас при тех, кто прорвётся к власти, и быть не может. Они на пару с Ельциным сдадут Советский Союз, как Горбачёв сдал, а по сути предал социалистические страны. На примере ГДР я это хорошо знаю.

— Мне Владимир Антонович рассказывал о вашей биографии и диссертации. Я с вами согласен, народу придётся пройти все круги ада. Чем вы собираетесь заниматься?

— Пока не знаю, на какое-то время останусь в Комиссии, у меня запланированы несколько посещений ФРГ, хочу кое с кем из экспертов пообщаться, может посетят какие-то мысли, но в команду Ельцина не пойду. Это точно.

— Я тоже, видимо, в ЦК долго не задержусь, у меня путь один — на пенсию. Через два года мне исполняется 60 лет, если партию раньше не разгонят.

Прощаясь, он долго не выпускал моей руки, видя, как я расстроен, и старался подбодрить меня.

— Мы с вами мало знакомы, но, поверьте, я хорошо чувствую людей. У меня нет сомнений, что при любом политическом раскладе вы не потеряетесь. На вашей стороне образованность, характер и, что очень важно, вам всего 40 лет. Мне намного сложнее — всё в прошлом. У нас 18 лет разницы в возрасте — это много на сломе эпох. Главное, не уходите в себя и будьте осторожны, лихое время наступает, легко голову потерять.

Грустно улыбнувшись, он пошёл к переходу к зданиям ЦК КПСС. Я присел на скамейку и долго, пока не скрылась его крепко сбитая фигура, смотрел ему вслед. С такими, как он, навсегда уходила эпоха.

— Что за жизнь! — мелькали мысли. — Умный, сильный, зрелый человек с колоссальным профессиональным опытом, и ему подобных немало: Кацура, Абалкин, Рыжков, тот же Ивашко и ещё тысячи, находящихся сегодня у власти в Москве и регионах, не согласных с происходящим. Но ничего не способных сделать с одним краснобаем Горбачёвым и примитивным Ельциным, готовыми ради личной власти уничтожить страну и стереть её великое прошлое.

Трагедия заключалась в том, что **это были люди системы. Независимо от занимаемых должностей, они были просто винтики, не способные на самостоятельные поступки.** За годы советской власти принципы демократического централизма, предполагавшие подчинение меньшинства большинству и строжайшее соблюдение партийной дисциплины, обесточили их волю, подавили способность к сопротивлению.

Многие из них, без сомнения, были личностями и могли действовать и, поверьте, весьма успешно в заданной сверху системе координат. Но эта плеяда руководителей была способна “проводить в жизнь только линию партии, её ленинского ЦК, Политбюро во главе с...” и дальше по известному нашему поколению набору словесных штампов о величии Генеральных секретарей, даже если они были полным ничтожеством. А борьба с имеющими иное мнение — не для них. Существовавшие методы подавления инакомыслия, в том числе и среди коммунистов, надёжно их защищали. Александр Владимирович был одним из наиболее талантливых представителей этого поколения. На всех занимаемых им постах он проявлял себя с самой лучшей стороны. И всё же, всё же... Только один из убедительных примеров. Накануне выдвижения на съезде кандидатов для голосования на пост Председателя Президиума Верховного Совета ему позвонил Горбачёв и настоятельно рекомендовал снять свою кандидатуру, сказав, что есть **мнение** рекомендовать туда И. К. Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома партии. Власов взял под “kozyрёк”... Как известно, ни Ельцин, ни креатура Горбачёва не набрали нужного большинства. На следующий день через одного из секретарей ЦК улетевший в Канаду партийный “фараон” уже даёт указание ему выставить свою кандидатуру теперь для повторного голосования. И снова Власов даёт согласие. Ельцин получил на 68 голосов больше. Не сомневаюсь, прояви он решимость и качества политического борца, он бы победил в первом туре со всеми вытекающими последствиями для страны.

— На наших глазах совершается предательство, — размышлял я, — а большинство народа равнодушно наблюдают за происходящим. В том числе и мы, сорокалетние, **бывшие малые и большие комсомольские вожди, по сути, такие же слабаки и предатели, и не только своего поколения.** Сколько высоких слов было сказано в юности о любимой Родине, сколько звучало клятв и спето патриотических песен, а случилась беда, партию возглавил негодяй, и где наша готовность встать на защиту народа от нового нашествия “внутренних татаро-монголов”?.. Более того, немало уже и тех, кто готов бить челом самому пьющему “уральскому прорабу”. Двух бывших первых секретарей Свердловского обкома комсомола я уже видел в его ближайшем окружении. **А сколько их окажется в услужении, когда это чудовище воцарится в Кремле?**